

Первое приобретение

Я проработал в Москве почти четыре года, с июля 1989-го по май 1993-го. То было время тяжелых исторических потрясений, когда президент Горбачев, взявший курс на демократизацию и рыночную экономику, пытался осуществить перестройку. Однако в условиях хаоса, вызванного чередой проб и ошибок, экономика продолжала ухудшаться, и в конце концов Советский Союз распался.

Между прочим, думаю, что г-н Горбачев, как в том плане, что он руководил временами со чувством справедливости и дальновидением, так и в трагичности, что он опережал время, имеет нечто общее с любимыми мной великими русскими писателями XIX века. Он быстро осознал, что, сохранившись в прежней форме, Советский Союз будет все больше отставать от развитых стран Запада, что истощающая экономику страны гонка вооружений бессмысленна, и в области формирования нового мышления, приведшего мир от двухполюсной системы противостояния «США-СССР» к системе мирного сосуществования, заслуги его неизмеримы. Однако, как всем известно, внутри страны его начинания тормозились укоренившейся бюрократией и привилегированной верхушкой, и, не имея возможности добиться желаемых результатов, Горбачев был вынужден отступить, отказавшись от половины замыслов по восстановлению экономики. Его критиковали как консерваторы, так и либералы, а доверие к нему среди российского народа упало до нуля, но думаю, что история не будет отвергать его. Я крепко уверен, что, хотя неизвестно когда, непременно настанет тот момент и в России, когда по настоящему поймут его дальновидность, и совершенное им будет оценено по достоинству.

Жизнь в то резко изменившееся время в Москве предоставила мне редкую возможность увидеть со стороны, как законы, государственная система, система ценностей и многое другое за короткий период были перевернуты с ног на голову, и с каким достоинством последствия этого переворота воспринимали люди, живущие обычной повседневной жизнью. В законодательство вносились самые разные изменения, люди действительно почувствовали реальную свободу, и в обществе разгорались подогреваемые ожиданием перемен дискуссии. С другой же стороны, все стремительнее росли цены, все острее становился дефицит. Сверху вводились радикальные изменения, но естественно, что большинство людей не успевало с такой же скоростью менять сложившиеся образ жизни, мышление и взгляды, и им пришлось противостоять нахлынувшему потоку эпохи. Насущной темой для простого народа стал вопрос, как выжить. Вместо работы люди выстраивались за продуктами и товарами в длинных очередях, а некоторое время спустя на тротуаре стали появляться и те, для кого продажа вещей всем проходящим стала повседневным занятием, позволяющим заработать на кусок хлеба.

Все эти изменения коснулись и людей, профессионально занимающихся живописью. Без сомнения, они вынесли все испытания жизни лишь из-за того,

что их внимания полностью сконцентрировались на своем творчестве и поиске путей самовыражения. Только этот тяжелый период, насколько я могу предположить, наступил для них позднее, чем для простого народа. До тех пор, пока в галереях, являвшихся одним из каналов сбыта, картины продавались, никаких проблем не было.

Пожалуй, самыми первыми прочувствовали на себе произошедшие перемены именно первоклассные художники. Государство периодически давало им заказы на картины, и они могли позволить себе, не беспокоясь о завтрашнем дне, воздержаться от продажи своих работ в обычных галереях, как требовали правила (кроме того, до середины 80-ых годов законом о материальных и художественных ценностях, работы некоторых художников, в списке которых числилось около сотни фамилий, были запрещены к вывозу за границу). Но как только в системе государства, ранее выкупавшего картины, начался хаос, в рядовых галереях постепенно стали появляться и работы части известных художников. Я слышал, что когда надлежащие инстанции узнали об этом, какой-то художественный салон даже был на время закрыт.

Думаю, что во время моей командировки в Москву, именно в то самое время, в галереях было выставлено самое большое количество картин. Когда же началась вторая половина периода моего пребывания в России, из-за ужесточения закона о вывозе художественных ценностей за границу, продажа картин затормозилась у тех галерей, частыми посетителями которых были иностранные туристы и командированные. Об этом хотелось бы еще раз упомянуть потом в другой главе.

Вот в такое время я работал в Москве главой представительства, в котором на начальном этапе я был единственным японцем, и снимал в первый год два номера, под жилье и под офис, в отдельных корпусах гостиницы для долгосрочных командированных. В номере, где я жил, было две комнаты. Окна комнаты площадью в м²15, которую я приспособил под гостиную, выходили на юг, и в ней всегда было много света. Со временем я привык к работе за границей и несколько оправился от напряжения, в котором держала меня московская жизнь. В один из ясных апрельских выходных дней 1990-го года, отдыхая в своей гостиной, я вдруг ощутил, какая пустота царит в ней. Напротив софы – голая стена, у которой стоит лишь музыкальный центр, в углу висит календарь... И больше ничего. Вспомнив рассказ одного моего знакомого, работающего в одной производственной компании, и уже имеющего опыт работы в Москве, о том, как за время командировки, он собрал несколько десятков понравившихся ему работ литографии, я подумал, что, может быть, картины хоть немного оживят мое жилище.

Кстати, я не люблю украшать комнаты цветами. Наслаждаться видом поставленного в вазу букета можно лишь в первый день, но видеть, как он медленно увядает день ото дня, для меня своего рода мучения, из-за чего полученное от него удовольствие становится соответственно меньше. Поэтому я с самого начала отказался от идеи поставить в комнате цветы, и решил

попробовать повесить картины.

И вот, какое-то время спустя я впервые посетил в Москве галерею. В России их называют «художественными салонами». Такое название на русском языке звучит изящно, а чего не скажешь, на взгляд японца, о внешнем виде этих галерей. Однако картины, которые продаются в них, имеют определенную художественную ценность, и уровень их вполне соответствует такому изящному звучанию.

Первая посещенная мной галерея находилась недалеко от Октябрьской площади, и чтобы дойти до нее, надо было пройти примерно 20 метров по направлению к Кремлю по левой стороне от пункта, в котором Ленинский проспект перешагивает через Садовое кольцо. Из-за близости к площади эту галерею в обиходе между японцами живущими в Москве называют Октябрьской, а приезжие и иностранцы в ней частые гости. По форме она представляет собой длинный прямоугольник. Вход находится в центре здания и делит выставочный зал на две части. Картины не только висят на стенах почти вплотную друг к другу, но и стоят, прислоненные к стенам, на полу. Тогда в Октябрьской галерее в целом выставилось, пожалуй, больше трехсот работ. Почти все они были написаны маслом, и лишь небольшую часть составляли акварель и литография. Продавались там не только картины, но и художественные принадлежности, такие сувениры, как изделия народных ремесел, окрашенные вещи с узорами, возбуждающими у зрителей ощущение эстетического вкуса (легкие ткани обрамленные деревянными рамками), ковры и многое другое. Большие окна, выходящие на проспект, были занавешены белыми прозрачными шторами, и поскольку днем свет не включался, внутри царил легкий полумрак. Я долго ходил по галерее, и, выбрав, в конце концов, написанную маслом на картоне картину размером 70 x 90 см, вернулся домой.

Называлась она «Туманное утро» (1989 г.) художника А.В. Овчаров (1926-1994 г.г., член союза художников России. Эта картина помещена на суперобложке данной книги). Я повесил ее в центре стены в гостиной, и с того момента стал каждый день сталкиваться с изображенным на ней мальчиком, сидящим ранним летним утром с удочкой на заросшем травой берегу пруда посреди не успевшего еще рассеяться молочного тумана. Недалеко от мальчика выступают в пруд сооруженные из дерева подгнившие мостки, а дальше, по всему пространству полотна, разливается водная гладь, и растущие на противоположном берегу деревья видны далеко или близко через пелену тумана.

Удивительно, что в отличие от фотографий, любоваться картинами я могу бесконечно. Каждая деталь на холсте пробуждает в воображении самые разнообразные фантазии, и возникает ощущение, что и сам я, каким-то образом очутившись внутри, брожу по этой картине. После еды или когда у меня находилась свободная минута, я устраивался на диване и погружался в пейзаж «Туманного утра». Первое, что я заметил, это едва уловимое взаимодействие красок и света, и что в разное время суток картина хоть немного, но выглядит по-разному. Играла в этом роль и степень освещенности комнаты. Каждый раз, когда я смотрел на картину утром, днем или вечером, менялось и производимое

ею впечатление. За то время, что я любовался ею, я делал какое-то новое открытие, но, чувствуя, что в ней таится что-то еще, начал экспериментировать, рассматривая ее с разного расстояния и под разными углами.

У каждой картины есть своя точка, с которой на нее лучше всего смотреть, должна была быть она и у «Туманного утра». Обычно, картинами лучше всего любоваться с некоторого расстояния. «Туманное утро» лучше всего смотрелось от входа в спальню, под косым углом с расстояния шести метров. По существу, это было наибольшее расстояние, которое я мог позволить себе в своем номере. Если я пытался его увеличить, то мне приходилось уходить в спальню, а оттуда картину было уже не видно.

Однажды, рассматривая «Туманное утро» от дверей в спальню, я вдруг почувствовал какую-то энергию, таящуюся в водной глади пруда. Мне показалось, что вода словно разливается в стороны и вглубь, по направлению к противоположному берегу. И неожиданно в памяти моей воскресли воспоминания о том, как много лет назад, в студенческие годы, я с несколькими друзьями отправился на пикник к одному озеру. Мы шли по дороге, и вдруг, издали, сквозь растущие во дворе кусты увидели кусок водной глади, отрезанный от всего озера домом и густыми зарослями деревьев. Интуитивно мы почувствовали, что наконец-то добрались, что осталось совсем чуть-чуть. Это, казалось, какая-то неведомая сила, исходящая от воды, что заставляло нас поверить в бескрайность обрамленного тенью озера. И в поверхности пруда «Туманного утра» чувствовалась та же энергия, выплескивавшая водную гладь за пределы холста. Первая же приобретенная мной картина дала мне понять, что живопись таит в себе такой интересный мир. Я уделял «Туманному утру» все больше и больше внимания, и как-то незаметно для себя стал понимать эту картину намного глубже.

Начав самостоятельно судить о живописи, я обратил должное внимание и на природу. Прогуливаясь по сумеречным аллеям и разглядывая деревья, я осознал, как живо напоминает их вид образ деревьев на окутанной туманом картине. Меня глубоко восхищает наблюдательность художника. Помню свое удивление, когда однажды, рассматривая картину издали, заметил, насколько реалистично и рельефно изображен поросший редкой травой отлого спускающийся к правой стороне берег.

Но из всех деталей в «Туманном утре» больше всего притягивает взгляд рыбачащий у пруда мальчик. Вначале я был восхищен прелестью контура сидящего на траве подростка, но чем дольше я смотрел на картину, тем больше меня одолевали вопросы. Зачем в раннее утро не успевшего еще рассеяться тумана художник нарисовал белую шляпу на голове мальчика? Быть может, эта шляпа здесь совершенно не нужна? А, может, она несет в себе какую-то смысловую нагрузку? О чем думает мальчик, закинув удочку в пруд? Он сидит согнувшись, склонив голову вниз. Так сидят люди, терзаемые мучениями. Поза его напоминала известную работу выдающегося русского художника второй половины XIX века И.Н. Крамского «Христос в пустыне» (1871 г.). Посреди скалистой пустыни в полном одиночестве сидит на камне погруженный в

раздумье Христос. Говорят, что в этой картине Крамской отобразил человеческого мучения Христоса, вступившего из-за глубокой любви к людям в конфликт со своей совестью, а также переживания, одолевавшие русскую интеллигенцию, жившую в ту же эпоху, что и сам художник. Голова мальчика опущена, взор обращен к пруду, и выражения его лица не видно, но может быть, автор «Туманного утра» в этой картине написанной в 1989 г. поручил душе рыбака подростка поведать нам о хаосе в русском обществе и тех опасениях, которые он порождает?

Бывало и так, что глядя на этого мальчика, я начинал размышлять о самом себе, терзаемый собственными, не имеющими никакого отношения к картине, переживаниями. Иногда же мне казалось, что белая шляпа у мальчика является символом, отрицающим подобные терзания. Одиноким рыбаком у затянутого туманом пруда фигурка в ком угодно пробудит хоть толику печали, и может, поэтому возникает ощущение, что мальчика одолевают страдания. В то же время, в зависимости от своего настроения время от времени, мне начинало казаться, что эту шляпу художник нарисовал лишь для того, чтобы смягчить печаль и уравновесить вызванные картиной чувства. Я не испытываю ни капли скуки, когда, охваченный такими размышлениями, день ото дня рассматриваю одну и ту же картину, как будто любуюсь через окно ее рамы пейзажем, существующим для меня наяву.

Эту картину я приобрел в надежде, что она принесет хоть немного радости в мою по большей части одинокую и почти лишенную развлечений жизнь в Москве. Но нашедший так интересный мир, как не ожидалось, я еще хотел, чтобы повесить понравившие мне картины на пустом месте той же стены к левой и правой сторонам от данной картины. Вот таким образом, можно сказать, почти по воле случая, к числу моих немногочисленных увлечений добавилось еще одно – критика живописи, а иногда и приобретение картин.